УДК [327:355.469.5/.6](73:43:470+571)

ЛОБАНОВ К.Н.

Восточноевропейский вектор политики США и геополитические интересы России

Данная статья посвящена актуальной для российской внутренней и внешней политики проблеме размещения элементов американской системы противоракетной обороны в странах Центральной и Восточной Европы. Автор публикации стремится показать геополитические последствия этого шага как для России, так и для США и их восточноевропейских союзников по НАТО.

Ключевые слова: Восточная и Центральная Европа, система глобальной противоракетной обороны, НАТО, Европейский союз, демилитаризация региона.

Прошло совсем немного времени с того момента, как страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а также Балтии постучались в двери Североатлантического альянса, а уже четыре из них – сначала Чехия и Польша, а затем Румыния и Болгария – заявили о своей готовности выслужиться перед Америкой. Весь прошедший год польские, румынские и болгарские власти вели активные юридические и организационные приготовления для размещения на своей территории компонентов глобальной системы противоракетной обороны США – радиолокационных станций (РЛС) и так называемых противоракет. Этот шаг влиятельных восточноевропейских стран существенным образом меняет сложившуюся геополитическую конфигурацию в центре Европы и влечет за собой целый ряд далеко идущих последствий как для самого восточноевропейского субрегиона, так и для его непосредственных соседей, и прежде всего России.

Предыстория сегодняшней ситуации не так длительна, но весьма содержательна. Начиная с 1991 года, когда было заявлено о самороспуске главных организационных структур бывшего социалистического лагеря – Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, страны ЦВЕ начали стремительный дрейф в сторону западных военных и экономических союзов. В своих порывах восточноевропейские политические элиты нашли полное сочувствие со стороны США и их союзников по НАТО. В этом взаимном притяжении друг к другу стороны выражали, казалось бы, единые интересы и преследовали общую цель – обеспечение безопасности в Европе в условиях глобальных изменений. Вместе с тем видение этого процесса из Вашингтона далеко не полностью совпадало с теми мотивами, которыми руководствовались восточноевропейские политики. В начале 90-х годов прошлого столетия США рассматривали искусственное и форсированное «разбухание» НАТО прежде всего как способ увековечения своего военного присутствия в Европе, которое с падением социалистического блока становилось бессмысленным, как и существование самой организации. Для мелких и средних же стран Центральной и Восточной Европы вхождение в НАТО, а затем и в Европейский союз означало полную эмансипацию от своего социалистического прошлого и гарантию от возможных «имперских» устремлений России.

Как бы то ни было, локомотив расширения НАТО мчался на всех парах, и, что с большим сожалением приходится признать, не без пассивного участия российской стороны. Именно тогдашнее политическое руководство страны, находясь под «очарованием» прозападного лобби из российского МИДа, очень мало сделало (а точнее, ничего не сделало) для того, чтобы интересы страны в этом глобальном вопросе были учтены. А сделать можно и нужно было немало. Например, преподнося Западу такой подарок, как воссоединение двух Германий, можно было бы позаботиться о демилитаризованном статусе бывшей ГДР. При роспуске Варшавского пакта, но в условиях сохранявшегося российского военного присутствия в бывших его странах-участницах несложно было бы добиться от западных держав больших гарантий безопасности России либо путем прямого запрета на размещение вблизи ее границ крупных воинских соединений, либо объявления территории стран ЦВЕ безъядерной зоной, либо отказа от базирования любых иных военных объектов, способных нейтрализовать боеготовность российской армии. Можно также вспомнить и подписание крупных взаимных соглашений – Основополагающего акта об отношениях между Россией и НАТО 1997 г., расширенного коммюнике Стамбульского саммита НАТО с участием России 2000 г. и др., которые с юридической точки зрения, особенно в обязательственной части, были слабо проработанными и для российской стороны оказались ущербными. В результате при принятии в НАТО Румынии и Болгарии в 2004 г. Россия не смогла настоять на запрещении строительства новых баз и арсеналов для натовских ВМФ в акватории Черного моря, что явилось очевидным военно-стратегическим и геополитическим просчетом.

Не встречая активного противодействия со стороны России, а также используя восходящую тенденцию к вестернизации стран ЦВЕ, США в последние годы еще более усилили свою политику укрепления европейской «опоры» НАТО. В Атлантический союз были приняты новые члены из числа центральных и восточноевропейских стран и три бывшие советские республики – Эстония, Литва и Латвия. Широкие обещания о скорейшей интеграции в НАТО были даны Грузии, Молдове и Украине. При этом активно использовались каналы так называемой программы «Сотрудничество во имя мира», специально придуманной в Вашингтоне и Брюсселе для заигрывания с новыми государствами-кандидатами. Становилось ясным, что европейская (или понимаемая более широко глобальная) политика США вступает в новый этап. Содержанием этого этапа является решение вашингтонской администрацией сложной многофункциональной задачи сохранения американского доминирования в мире, особенно в ключевом его регионе – Евразии – в условиях растущих межцивилизационных осложнений. Но в отличие от предыдущего этапа, когда США делали ставку на механическое расширение пространственных рамок НАТО, сегодня заокеанские стратеги активно разрабатывают планы укрепления «внутренней солидарности» альянса через подключение своих европейских союзников к масштабным военно-техническим программам и военным акциям в различных точках планеты.

Первоначально США довольно успешно привязали европейцев из НАТО к участию в своих «гуманитарных» акциях в Афганистане и Ираке, где в последнее время собственно американский воинский контингент постепенно вымывается за счет польских, румынских, грузинских и т.д. армейских соединений. Затем было решено разместить на территории некоторых из «новообращенных» стран НАТО элементы задуманной в Вашингтоне глобальной системы противоракетной обороны. По мнению американских политиков, восточноевропейские страны должны таким образом доказать свою готовность разделить союзнические (читай – американские) принципы и следовать в фарватере атлантической политики. Со своей стороны Соединенные Штаты в этой игре рассчитывают получить крупные геополитические дивиденды. Помимо уже упоминавшейся задачи сохранения и упрочения своего военного присутствия в Европе как важнейшего инструмента воздействия на

внутриевропейскую экономическую и политическую ситуацию США стремятся с помощью европейского сектора системы ПРО оказывать давление на Китай, Индию, исламский мир и Россию, а также одновременно обезопасить себя от возможной ответной реакции незападных ядерных держав в случае обострения отношений с ними, что в условиях непрекращающейся глобальной гегемонистской стратегии США весьма реально. В свете этих истинных мотивов официальная версия Вашингтона о стремлении с помощью ПРО защититься от ядерных программ таких государств, как Иран или Северная Корея, не обладающих средствами доставки своих пока еще гипотетических атомных боезарядов, выглядит малоубедительной.

Тем не менее США упорно идут к своей цели. Стоит отметить, что в качестве объектов для размещения радаров, станций слежения и прочих элементов системы ПРО Соединенные Штаты первоначально не случайно выбрали Польшу и Чехию. Оба государства имеют особые связи с США и рассматриваются последними как наиболее последовательные и устойчивые проводники американского влияния в Европе и в европейских институтах, например в ЕС. Ведь именно Польша и Чехия (ранее – Чехословакия) обязаны США своим рождением как государства, так как в ходе заключения версальско-вашингтонских соглашений 1918–1921 гг. по настоянию президента В. Вильсона обе страны получили международный статус признания в своих почти современных границах. Президент Ф.Д. Рузвельт в 1943–1945 гг. активно поддержал советский проект восстановления независимости обеих республик с существенными территориальными приращениями за счет Германии. Наконец, в конце 80-х–начале 90-х годов именно Америка больше всего содействовала осуществлению «бархатных» революций в Польше и Чехии, ратовала за первоочередное вступление новых демократий в западные экономические и военно-политические союзы.

Однако не стоит полагать, что Польша и Чехия – это исключение из правил и другие восточноевропейские страны будут менее сговорчивыми в решении военных и оборонных вопросах с США. Для большинства средних и мелких стран Европы, особенно тех, которые не могут похвастаться запасами минеральных ресурсов или развитой экономикой, активное участие в натовских программах – это хороший способ заработать, так сказать, «поддержать штаны» в условиях затянувшегося экономического кризиса. Поэтому не исключено, что вслед за традиционной и сравнительно малодоходной сдачей в аренду американцам и западноевропейцам бывшей советской военной и военно-морской инфраструктуры руководство все новых и новых стран Восточной Европы будет делать Вашингтону и Брюсселю более «выгодные» стратегические предложения. Пример подали Румыния и Болгария, правительства которых приняли решение о начале размещения элементов ПРО на территории своих стран начиная с 2012 года. За ними последовала Грузия, формально не являющаяся членом НАТО, но уже более полтора десятка лет активно дрейфующая в фарватере глобальной политики США (В конце 2011 года Президент Грузии М. Саакашвили заявил о готовности разместить на территории страны до тысячи противоракет США с ориентацией на Россию).

Здесь мы как раз подходим к главной интриге сегодняшнего момента, связанной с вопросом о том, не упускает ли Восточная Европа своего большого исторического шанса в погоне за удовлетворением сиюминутных и узкокорыстных потребностей? Суть этого шанса заключается в том, что действительно сильными и процветающими восточноевропейские страны могут быть, лишь имея **демилитаризированный** или **нейтральный** статус. Опыт новой и новейшей истории показывает, что ни участие в военных блоках, ни гарантии со стороны третьих стран автоматически не обеспечивают никакому государству его безопасности. Особенно это относится к средним и малым странам, выполнявшим, как правило, роль буфера между конкурирующими блоками или противоборствующими цивилизациями. Выполнение разделительных функций такими государствами в прошлом доставляло им больше выгод, нежели включение

в орбиту военных планов великих держав. Вспомним, что расцвет национальной государственности и национальной экономики в странах Восточной Европы приходится именно на период их внеблокового существования в 1918–1939 гг. Например, так называемые первая Чехословацкая и первая Польская республики, румынская и болгарская монархии, с одной стороны, лишь формально входили в «малую» Антанту под патронажем Великобритании и Франции, а с другой стороны, они не находились под влиянием Советской России. В результате осуществления суверенной политики значительные материальные ресурсы и энергия населения этих стран были канализированы в созидательное русло национального развития.

В современных условиях также можно найти немало примеров тому, как ряд государств, используя свой невоенный статус, обеспечили себе комфортные условия существования и устойчивый социально-экономический рост. Это и далекая от Восточной Европы Япония, и весьма близкие к ней Австрия, Швеция, Финляндия. В последних трех государствах, как известно, наблюдается самый высокий уровень жизни населения и срок продолжительности жизни людей как наиболее концентрированный показатель здоровья социальной и экономической систем, что не в последнюю очередь зависит от минимальной нагрузки военных расходов на государственные бюджеты.

Однако не стоит забывать о том, что речь идет не только об экономических, финансовых и социальных преимуществах демилитаризированных стран перед другими государствами или системами государств. Вопрос стоит даже не в плоскости необходимости или отсутствия необходимости вооружаться, довооружаться или перевооружаться тем или иным странам. В конце концов, любое суверенное государство может делать и первое, и второе, и третье, если посчитает, что ему кто-либо угрожает или безопасность страны не находится на должном уровне. Проблема состоит в том, что, включаясь в военные блоки под руководством супердержав или присоединяясь к их военным программам, страны-сателлиты подвергают себя опасности быть втянутыми в вооруженные конфликты различного уровня и степени интенсивности. Иными словами, население, территория, суверенитет этих государств становятся заложниками политики стран-лидеров, а значит, не могут быть в более безопасном состоянии. В случае с Польшей, Румынией и Болгарией становится очевидным, что при размещении американских РЛС и противоракет на их территории эти компоненты глобальной системы ПРО будут создавать помехи для ответного удара любой из ядерных держав в ситуации конфликта с США и НАТО в целом. То есть данные помехи в любом случае будут подавляться противником – либо его войсковыми соединениями, либо стратегической бомбардировочной авиацией, либо тактическими ядерными ракетами малой и средней дальности. Подобный сценарий выглядит вовсе не виртуальным. Многие исследователи в области геополитики, глобалистики, социальной философии, военных наук отмечают глобальную тенденцию к возрастанию противоречий между западной и незападными цивилизациями. Агрессивное вторжение либерально-демократических ценностей и институтов Запада в традиционные ареалы исламской, буддийско-конфуцианской и славянско-православной цивилизаций вызывает ответную и зачастую далеко не пацифистскую реакцию с их стороны (сопротивление в Афганистане, Ираке, Югославии, Сомали, Ливии, Сирии и Иране). Особенно вызывают опасения у США Китай и Россия, обладающие значительными запасами ядерного и обычного вооружений. Но если Китай Соединенные Штаты пытаются нейтрализовать скорее косвенными, «нетрадиционными» методами, такими как возбуждение неизвестных и опасных эпидемий, применение геотронного оружия в виде направленных цунами и т. д., то на Россию вашингтонские стратеги предпочитают оказывать откровенное давление, в том числе с использованием элементов военной и военно-стратегической политики. А восточноевропейские страны бездумно втягиваются в эту чужую и чуждую им по сути игру, стремясь к тому же исполнять в

ней одну из сольных партий, как в случае с Грузией.

Как видно, история ничему не научила европейских политиков, принимающих слишком легковесные решения относительно суверенитета и безопасности их собственных стран. Ведь уже не единожды крупные западные державы попросту «сдавали» своих восточноевропейских сателлитов в случае возникновения серьезной военной ситуации на континенте или в мире в целом. В 1938 г. демократический Запад не захотел связываться с Гитлером из-за Чехословакии, в 1939 г. позволил «проглотить» Польшу. Не проявили особенного усердия в Лондоне, Париже и Вашингтоне и тогда, когда «тоталитарный» СССР присоединил к себе Прибалтику, попытался аннексировать Финляндию, значительно сократил территорию Королевства Румынии. Очевидно, что и сегодня или в обозримом будущем Запад так же, как и десятки лет назад, не решится на прямое военное столкновение с какой-либо из крупных держав из-за Польши, Эстонии или Латвии. Даже если эти страны будут призывать к исполнению известной статьи 5 Устава НАТО о коллективной обороне государств–членов этой организации. С другой стороны, очевидно, что безопасности восточноевропейских государств сегодня ничто не угрожает. Все известные очаги напряженности или потенциально нестабильные зоны находятся весьма далеко от этого субрегиона, а риски соседства с «непредсказуемой», «имперской» и т. д. Россией существуют только в воображении отдельных ультранационалистических политиков. Так не упускает ли Восточная Европа еще раз предоставленного ей исторического шанса быть реально безопасной, стабильной и процветающей, поддерживающей добрые отношения со своими соседями? Или снова, поддавшись ложным фобиям, позволит втянуть себя в заокеанские геополитические прожекты, проиграв глобально? Ответ на этот вопрос в скором времени должны дать не только политики, но и народы восточноевропейских стран, осознав и возложив на себя ответственность за принятые решения.